

ру лицемерия и простодушия, обид и прощения, ревности и безразличия, ненависти и любви. Козырем в этой игре является иступленная страсть к обладанию детьми, домом, деньгами, душой близкого человека. Особенно яростная схватка идет между невесткой и свекровью за Саймона — наглядное, хотя и чуть надуманное отражение внутреннего конфликта героя. Первая борется ухватистостью простолюдинки, алчной чувственностью, собственным телом, вторая — аристократической утонченностью, полубезумными грезами о былом, обещанием нездешнего покоя. Первая как бы олицетворяет ту самую реальную жизнь с ее жестокими законами, где «единственная свобода — в обладании властью». Вторая, по-видимому, — то состояние некой чистоты и невинности, в котором пребывает человек до того, как попадает в наш грешный мир. Но обе одинаково бесстыдны, обе хотят беспредельно подчинить его себе. И оттого Саймону временами мерещится, что они теряют свои индивидуальные качества, переходят друг в друга, соединяются в *единый* извечный образ Женщины — матери, жены, возлюбленной.

Беспощадная дуэль между двумя женщинами (двумя непримиримыми «я» Саймона) достигает такой остроты, что герою О'Нила приходится делать выбор. Либо освободиться от одной из враждующих частей своего существа, освободиться от одной из женщин. Тут закономерный итог его аморализма: утверждение того, что убийство — благо. Либо попасть в беседку у матери в саду, вновь обрести «утраченное царство покоя», вернуться в предбытие...

На грани псмешательства Саймон, затворилась в своем безумном неприятии реаль-

АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ О СИЦИЛИЙСКОЙ МАФИИ

Norman Lewis. The Honored Society. A Searching Look at the Mafia. New York, G. P. Putnam's Sons, 1964.

Норман Льюис, автор переведенных в Советском Союзе романов «Вулканы над нами» и «Зримая тьма», известен не только как художник слова, но и как журналист, путешественник, этнограф и антрополог. Совсем недавно он выступил в новом для него жанре социально-исторического исследования. Опубликованная в 1964 году книга «Почитаемое сообщество» посвящена разоблачению гангстерской организации, действующей на территории Сицилии и известной под именем мафии.

Книга «Почитаемое сообщество» отличается по жанру и от романов Льюиса, и от его очерковых произведений. Однако цели и задачи автора в этом исследовании те же, что и в предшествующих книгах, — разрушение мифологии современного империа-

ности Дебора, готова отказаться ото всего Сара. (Готова, но не откажется. Оставшись вскорости вдовой, как свидетельствуют наброски к следующим частям цикла, она должна была вырастить четырех сыновей на благо Компании.)

В болезненно-диссонантных мотивах, на которых О'Нил обрывает пьесу, больше от мелодрамы, нежели от театра сильных страстей. Они, эти мотивы, дали повод ко всяким своевольным толкованиям иных американских исследователей. Артур Гелб, верный своему психографическому методу, написал недавно, рецензируя «Дворцы»: «Сюжет и характеры пьесы уходят корнями в чувство «любовь—ненависть», которое О'Нил испытывал к матери, в его детскую враждебность к отцу, в его последующие невротические отношения с женщинами».

Не хочется даже и спорить с такими вульгарно-психоаналитическими домыслами. Если оставаться на почве фактов, то дело обстоит и проще, и сложнее. О'Нил не мыслит себе человека в ладу с самим собой и с миром — ни в настоящем, ни в будущем. В этом его трагедия. И писать о ней надо всерьез.

В неотправленном «Ответе на анкету американского журнала» (1928) Горький среди талантливых художников США, в ряду с Э. По, У. Уитменом, Т. Драйзером, Ш. Андерсоном назвал имя Юджина О'Нила. «Дворцы» вкупе с предшествующей им «Искрой божьей» подкрепляют представление о нем как о крупнейшем писателе критического реализма нашего столетия.

Театр О'Нила ждет своего исследователя. Пьесы О'Нила ждут своего театра.

Г. ЗЛОБИН

лизма, обличение международной реакции. Наделенный острым «чувством истории», Льюис выступает искренним другом народов, поднимающихся на борьбу против колониальных либо, как это происходит во франкистской Испании, внутренних угнетателей.

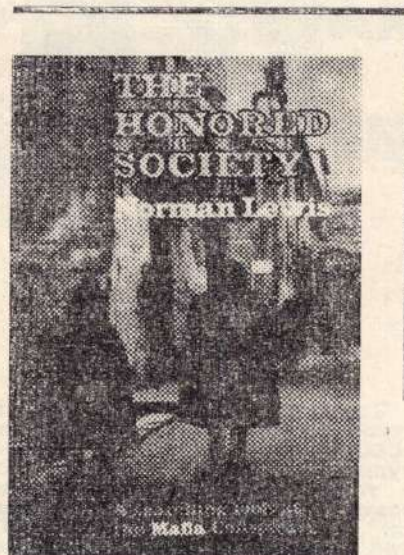
Книга Льюиса предназначена для самого широкого круга читателей; именно поэтому автор ведет в ней открытую полемику с некоторыми превратными, но до сих пор бытующими на Западе представлениями о природе этой хорошо организованной бандитской шайки. Английский писатель разбивает легенду о якобы антифашистской деятельности мафии в период правления Муссолини. В свете приводимых Льюисом фактов вражда, возникшая между «сообществом» и фашистским режимом, выглядит как недоразумение, исторический парадокс. Автор недвусмысленно подчеркивает, что между мафией и фашизмом не было качественного отличия, разница между ними сводилась лишь к форме управления и масштабам «операций». Поскольку, отмечает Льюис, мафия была полезна фашизму, постольку фашизм ее не трогал. Когда же мафия стала конкурировать с фашиста-

ми на территории Сицилии, режим Муссолини попытался, хотя и безуспешно, ее уничтожить. Поэтому мафия поддержала американский оккупационный корпус, который высадился в Сицилии в июле 1943 года. Писатель приводит новые данные, ставшие после их опубликования настоящей сенсацией на Западе. Вскрывая лицемерие «отцов мафии», таких как Калоджеро Виццини (Дон Кало), автор наглядно показывает, что их помощь союзникам была всего лишь выгодной коммерческой сделкой: в обмен мафия получила контроль над черным рынком и «охранную грамоту» от оккупационных властей. Таким образом, мир был нужен мафии для того, чтобы еще успешнее грабить и без того разоренных войной сицилийских крестьян.

Особенно зло издевается писатель над романтическим ореолом, которым подчас окружают мафию поставщики коммерческого чтения. Вся книга — от заглавия до последней строки — построена на умелом обыгрывании иронического несоответствия между внешними псевдорыцарскими атрибутами, «кодексом чести» «почитаемого сообщества» и весьма неприглядной жизненной практикой его представителей. «Члены «сообщества» не терпят мелких кустарных мошенничеств», — иронически замечает Льюис о мафиозо (так в Италии называют людей, принадлежащих к мафии). Эта своеобразная «философия преступления» оказывается весьма близкой по духу воззрениям Толпыгина I из сказки Салтыкова-Щедрина «Медведь на воеводстве»: воевода понимал, что на скрижали истории заносятся лишь крупные злодеяния, злодеяний же мелких, «срамных», история не ценит. О «крупных злодеяниях» мафии и рассказано в книге Льюиса.

Рисуя широкую картину быта и нравов Сицилии, автор срывает романтические покровы с этого подлинно средневекового института: «Сегодняшняя мафия, далекая от мысли защитить угнетаемых, заняла место всех угнетателей прошлого, хотя до сих пор извлекает выгоду из нравственных условностей, сформировавшихся в прошлые века».

Всю деятельность мафии автор трактует как затянувшуюся и ультрареакционную попытку помешать общественному прогрессу, сохранить в неприкосновенности анахронизм феодального уклада в Сицилии и тем самым продлить собственное существование. Под беспощадным пером Льюиса «героика» мафии обращается в хорошо налаженный бизнес, а сама мафия из «почитаемого сообщества» — в военизированную полуфашистскую организацию. Автор специально оговаривает тот факт, что в условиях послевоенной Италии функции тоталитарного фашистского государства по физическому уничтожению инко-

мыслящих, прежде всего коммунистов, перешли к мафии. Не случайно в книге подробно излагаются известные события 1947 года в Портелло делла Джинестра, когда банда Сальваторе Джулиано осуществила расстрел мирной крестьянской маевки, организованной левым фронтом. «Дон Кало, и никто иной, подкупил убийц, чтобы заглушить голоса протеста против послевоенной «демократии», оказавшейся, как пишет Льюис по этому поводу, «гнусным блефом».

По отношению к демо-христианскому государству мафия была чем-то вроде прирученного, «домашнего» фашизма, с которым всегда можно было столкнуться на коммерческой основе. Писатель дает портреты представителей послевоенного поколения мафиозо, сделавших бандитизм — по образцу американских гангстеров — предметом торга, останавливается на деятельности заокеанского филиала мафии в США. Снова и снова возвращается Льюис к изображению тех поистине неисповедимых путей, при помощи которых осуществились контакты мафии с государством и церковью. И слова помощника Сальваторе, бандита Пишотты, звучат в одной из последних глав как закономерное обобщение: «Мы были триедины: бандиты, полиция и мафия, совсем как святая Троица: бог Отец, бог Сын и бог Дух Святой».

Однозный «пережиток» и в то же время — плоть от плоти современного буржуазного миропорядка, живое воплощение наиболее агрессивных тенденций империалистической идеологии, «почитаемое сообщество», существующее на проенты со смерти, — таково истинное лицо мафии.

В. СКОРОДЕНКО

